

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

*М.Ю. УРНОВ,
А.С. СОБОЛЕВ,
И.В. СОБОЛЕВА*

Ценностная неоднородность общества как фактор социальной динамики – эмпирическая проверка теоретической модели*

В статье приводятся основные результаты эмпирической проверки предложенной ранее М. Урновым модели влияния ценностной неоднородности общества на социальную динамику. По мнению автора теоретической модели, подобное влияние объясняется наличием в обществе групп, находящихся в референтных отношениях, то есть отношениях, в которых одни группы играют роль образцов, а другие – эпигонов. При этом моделью элементарной частицы-носителя социальных изменений выступает определенная пара социальных групп, связанных референтным отношением.

Ключевые слова: ценностная неоднородность, социальная динамика, социальная группа, зрелые общества, переходные общества, средний класс, рабочий класс.

The article presents the basic results of empirical check of the model of influence of valuable heterogeneity of a society on social dynamics. According to the author of the theoretical model (M. Urnov), this influence is caused by presence in a society of the groups, being in referential relations, that is relations in which one groups play a role of samples, and others – imitators. Thus the model of an elementary particle of social changes is a certain pair of the social groups connected by the referential relation.

Keywords: valuable heterogeneity, social dynamics, social group, mature societies, transitive societies, middle class, working class.

В данной работе приводятся основные результаты эмпирической проверки модели влияния ценностной неоднородности общества на социальную динамику, теоретическая концепция которой была представлена в [Урнов, 2010]. С учетом того, что две публикации разделяет более чем годовой промежуток, позволим себе кратко напом-

* Исследование проведено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ–ВШЭ в 2011 г.

*Урнов Марк Юрьевич – доктор политических наук, профессор, научный руководитель факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики.
Соболев Антон Сергеевич – преподаватель факультета прикладной политологии НИУ–ВШЭ.
Соболева Ирина Владимировна – преподаватель факультета прикладной политологии НИУ–ВШЭ.*

нить ключевые позиции предыдущей статьи, важные для понимания новых рассуждений и расчетов.

Теоретическая модель строилась на предположении, что ценностная неоднородность общества – один из важнейших (но, разумеется, не единственный) фактор социальной динамики. Термин “социальные изменения” (или социальная динамика) понимался в трактовке Т. Парсонса – как изменения институционализированных стандартов нормативной культуры общества (см. [Парсонс, 2000, с. 701–702]). Ценностная неоднородность общества определялась как “все множество существующих в обществе различий между личными ценностными ориентациями”, однако уточнялось, что задачи исследования позволяют упростить проблему и понимать под ценностной неоднородностью общества “совокупность различий между групповыми ценностными ориентациями, то есть между усредненными на уровне социальных групп ценностными ориентациями людей, входящих в эти группы” [Урнов, 2010, с. 65].

Зависимость социальной динамики от ценностной неоднородности объяснялась наличием в обществе групп, находящихся в референтных отношениях, то есть таких, в которых одни группы играют роль образцов (*examples*), а другие – эпигонов (*imitators*). При этом “моделью элементарной частицы-носителя социальных изменений” предлагалось считать “референтный диполь”, то есть пару социальных групп, связанных референтным отношением [Урнов, 2010, с. 63–64]. Теоретическая модель содержала несколько базовых гипотез, которые в интерпретации, делающей их пригодными для эмпирической проверки, выглядят следующим образом:

1) интенсивность социальной динамики находится в положительной зависимости от величины ценностной неоднородности общества: чем выше неоднородность, тем более выражен тренд социальных изменений – выше их скорость и глубина;

2) такая (положительная) зависимость характерна для обществ как со зрелой индустриальной/постиндустриальной культурой, так и находящихся в процессе социально-экономических и политических трансформаций (переходных обществ);

3) при прочих равных условиях уровень неустойчивости ценностной неоднородности в переходных обществах будет выше, чем в зрелых индустриальных/постиндустриальных обществах;

4) неустойчивость (резкие колебания) ценностной неоднородности препятствуют формированию тренда социальных изменений;

5) переходные и зрелые общества отличаются величинами ценностных разрывов, выход за пределы которых разрушает референтные отношения. При прочих равных условиях в первой группе обществ эти величины предположительно больше, чем во второй¹.

Для проверки гипотезы о том, что интенсивность социальных изменений зависит от величины ценностной неоднородности общества, предлагалось сопоставить социальные изменения в нескольких странах с различными уровнями ценностной неоднородности. Учитывая, что неустойчивость ценностной неоднородности в переходных обществах может существенным образом ослабить тренд социальных изменений и тем самым “смазать” картину, межстрановые сопоставления предполагалось проводить отдельно в группе зрелых индустриальных/постиндустриальных обществ и в группе переходных обществ.

¹ Различия, описанные в пунктах 3–5, объяснялись нами разницей в доминантных типах целеполагания, характерных для рассматриваемых обществ: реалистическое целеполагание в зрелых индустриальных/постиндустриальных обществах и целеполагание “неудачника” (термин К. Левина) в переходных обществах. Напомним, что целеполаганию неудачника свойственны: склонность ставить перед собой либо сверхсложные (слишком завышенные/ нереализуемые/ химерические), либо предельно легкие цели [Atkinson, 1957, p. 369; Левин, 2000, с. 253–254], и “прыганье от наилегчайших к труднейшим задачам” [Atkinson, 1957, p. 369]. Подробнее об этих типах целеполагания см. [Урнов, 2008^a, с. 141–142; 2008^b, с. 167–160; 2010].

Общая характеристика процедуры эмпирической проверки модели

Приступая к эмпирической проверке модели, мы – для упрощения задачи – исключили из рассмотрения уровень коллективной культуры, ограничив анализ уровнем личных культур, а из всего спектра ценностных ориентаций сконцентрировали внимание на политических предпочтениях.

База данных. Не имея своей, соответствующей масштабам исследования, социологической базы, мы обратились к существующим ресурсам. Наиболее пригодной нам показалась база международного проекта International Social Survey Program (ISSP)². Она содержит высоконадежную информацию (программа осуществляется ведущими социологическими центрами стран – участников исследования)³. Это позволяет отследить долгосрочные тенденции интересующих нас процессов (к настоящему времени проведено четыре методически и содержательно однородных опроса по политической проблематике – “Role of Government”: 1985, 1990, 1996, 2006 гг.); а также дает возможность идентифицировать социальные группы с достаточно сложным набором признаков (используемые программой опросники включают богатый социально-демографический блок). Кроме того, база ISSP масштабных кросс-национальных сопоставлений (в 1990 г. опросы были проведены в 11, в 1996 г. – в 23 и в 2006 – в 36 странах; Россия участвует в программе с 1991 г.). Таким образом, имеющаяся у ISSP эмпирическая информация задавала временной интервал наблюдения, набор исследуемых стран и содержательные характеристики наших эмпирических показателей.

Временной интервал наблюдения. Нами был избран десятилетний период 1996–2006: проведенные ISSP в 1996 и 2006 гг. опросы “Role of Government” включали Россию.

Исследуемые страны. Из общего количества стран, охваченных исследованием 1996–2006 гг., одновременно в обоих опросах участвовало 15 стран, из которых 9 представляли общества со зрелой индустриальной/постиндустриальной культурой⁴ и 6 – общества, находящиеся в процессе социально-экономической и политической трансформации⁵.

Показатели ценностной неоднородности и социальной динамики. Разработка этих показателей состояла из определения (а) включаемых в них референтных диполей и (б) набора их содержательных характеристик (вопросов, ответы на которые будут служить индикаторами ценностных ориентаций).

Референтные диполи. Поскольку “получить эмпирический показатель ценностной неоднородности общества, который бы отражал специфику всей совокупности имеющихся в нем референтных диполей, практически невозможно”, возникает “проблема нахождения нескольких наиболее мощных диполей, пригодных для использования в сравнительных исследованиях” [Урнов, 2010, с. 69]. В данной работе мы решили ограничиться рассмотрением только одного референтного диполя: пары “средний класс–рабочий класс”. В качестве показателя ценностной неоднородности общества принимался, таким образом, разрыв между ценностными ориентациями этих социальных групп.

Выбор пары “средний класс–рабочий класс” был обусловлен двумя соображениями. Во-первых, в современных обществах средний класс представляет собой более престижную социальную группу, и потому может рассматриваться по отношению к рабочему классу в качестве группы-образца (референтной группы). Во-вторых, оба класса в совокупности охватывают большую часть населения исследуемых стран.

² Детальную информацию об этом проекте см. на сайте <http://www.issp.org/>.

³ В США опросы проводит National Opinion Research Center (NORC); в Великобритании – National Centre for Social Research, в Германии – Leibniz Institute for the Social Sciences (GESIS), в России – Левада-Центр, в Латвии – Institute of Philosophy and Sociology, во Франции – Association laboratoire de sociologie quantitative, и т.д.

⁴ Австралия, Германия, Израиль, Ирландия, Канада, Новая Зеландия, Норвегия, США, Франция.

⁵ Венгрия, Латвия, Польша, Россия, Словения и Чехия.

Стратификационные критерии идентификации среднего класса

Группы критериев	Критерии
Материальное благосостояние (материальный статус)	Текущий доход Движимое имущество Недвижимое имущество и транспорт Сбережения (денежные вклады, наличные деньги, облигации и иные ценные бумаги, кроме “голосующих”)
Владение средствами производства (капиталом)	Предприятия, фирмы с наемной рабочей силой, товарные фермы и пр.: полная собственность или участие в собственности во всех формах, включая простые акции и другие “голосующие” ценные бумаги Имущество для индивидуальной трудовой деятельности
Профессионально-должностной (социально-профессиональный) статус	Управленческий статус Образование, квалификация Уровень сложности профессиональной деятельности
Политический статус	Степень влияния на принятие решений органами государственной власти различных уровней и органами местного самоуправления
Потенциал социальной мобильности	Возможности восходящей и нисходящей мобильности у представителей группы (слоя)
Статусность образа (стиля) жизни	Качество текущего потребления Качество среды проживания Качество досуга Круг общения Социальное настроение и пр.
Социальный престиж	Социальный престиж – группы в целом, – отдельных подгрупп, – аспектов и сфер профессиональной деятельности, – стиля жизни

Иными словами, данный диполь – едва ли не самый мощный из существующих в этих странах референтных образований, что делает его пригодным для построения первичной, наиболее простой эмпирической модели.

Вычленение рабочего класса в социологической выборке большого труда не составляет. В отношении среднего класса дело обстоит значительно сложнее. Для его идентификации используются многочисленные критерии, что создает проблемы при выборе “ограниченного контингента” показателей, который мог бы удовлетворить взыскательное исследовательское сообщество. Некоторое представление о масштабах сложности этой проблемы дает приводимый ниже краткий перечень идентификационных критериев среднего класса, чаще всего упоминаемых в научной литературе⁶. Эти критерии можно разделить на стратификационные и нестратификационные. К

⁶ В современной науке среднему классу посвящено множество работ. Только в России за 2001–2010 гг. на эту тему было опубликовано около 33 тысяч научных статей. Привести здесь сколько-нибудь подробный список публикаций о среднем классе вряд ли возможно. Упомянем лишь некоторые из наиболее интересных, с нашей точки зрения, исследований. Англоязычные работы: [Cannon, 1980; DeGré, 1950; Eysenck, 1951; 1968; 1971; Faris, 1960–1961; Gerteis, 1998; Gerteis, Savage, 1998; Giddens, 1973; Goldthorpe, 1987; Guttman, 1954; Herman, 1944; Kasen, 1979; Lenski, 1954; Lipset, 1959; 1981; Londregan, Poole, 1996; Mills, 1956; O’Boyle, 1966; Perlmutter, 1970; Prinz, 1990; Ross, 1924; Stearns, 1979; Wolfe, 1993]. Последние работы российских исследователей: [Григорьев, Салмина, Кузина, 2009; Григорьев... 2010; 2008; Готово ли... 2010; Дискуссия... 2008; Модернизация... 2009; Малева, 2007; Средний... 2008; Тихонова, Мареева, 2009; Шаститко... 2008; Шкаратан, 2005; 2009].

Численность среднего класса и рабочего класса в выборках исследуемых стран

Страны	1996 г.				2006 г.			
	Выборка в целом	Средний класс	Рабочий класс	[(3) + (4)]: доля в выборке (%)	Выборка в целом	Средний класс	Рабочий класс	[(7) + (8)]: доля в выборке (%)
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)
Страны со зрелой индустриальной/постиндустриальной культурой								
Австралия	2151	814	561	64	2780	1585	972	92
Германия	2361	715	561	54	1112	497	457	86
Ирландия	994	384	509	90	1001	427	498	92
Канада	1182	581	128	60	933	516	233	80
Новая Зеландия	1198	400	291	58	1263	836	306	90
Норвегия	1344	477	435	68	1330	707	490	90
США	1332	738	540	96	1518	783	640	94
Франция	1312	796	371	89	1824	Нет данных		
Израиль	1043	388	Нет данных		1345			
Страны, находящиеся в процессе социально-экономических и политических трансформаций								
Венгрия	1500	449	936	92	1010	315	580	89
Латвия	1505	275	419	46	1069	301	635	88
Польша	1183	237	357	50	1293	300	661	74
Россия	1691	316	474	47	2407	909	1234	89
Словения	1004	343	512	85	1003	487	420	90
Чехия	2518	1040	614	66	1201	455	567	85

стратификационным относятся характеристики, задающие место группы в социальной иерархии, к нестратификационным – все остальные. Набор основных стратификационных критериев среднего класса содержится в таблице 1. К содержательным нестратификационным критериям чаще всего относят: политические ориентации (идеологические предпочтения, степень вовлеченности в политику), трудовую мотивацию, профессиональную этику, социальное самочувствие, потребительские предпочтения, сберегательное поведение, ценности и ориентации в частной жизни.

Понятно, что для проведения эмпирического сравнительного исследования, основанного на регулярных опросах, использовать весь существующий арсенал критериев невозможно. Такая ситуация вынуждает принимать “трудное решение” по минимизации их числа, жертвуя многосторонностью в пользу достижимости и утешая себя фольклорной сентенцией о том, что синица в руках лучше журавля в небе. Пойдя по этому пути, мы для выделения среднего и рабочего класса использовали методику Дж. Голдторпа⁷. Численность представителей среднего и рабочего классов в страновых выборках ISSP приведена в таблице 2.

⁷ В этой методике критериями принадлежности индивида к тому или иному социально-профессиональному слою служат четыре параметра: (а) владелец бизнеса/наемный работник; (б) уровень сложности выполняемого труда (рутинный физический, нерутинный физический, рутинный умственный, нерутинный/творческий); (в) уровень контроля трудового процесса со стороны начальства (в терминологии Голдторпа, “тип трудового контракта” – полный/смешанный/неполный); (г) уровень квалификации, необходимой для выполнения данного вида работ (неквалифицированный труд, квалифицированный труд, труд эксперта). Подробнее см. [Goldthorpe, 1987].

Содержательные характеристики показателей ценностной неоднородности и социальной динамики. Тематическая часть опросников “Role of Government” 1996 и 2006 гг. состояла, соответственно, из 64 и 59 закрытых вопросов. В наборы ответов входили как содержательные высказывания, так и позиции типа “затрудняюсь ответить”, “не могу выбрать”, “нет ответа”. При вычислении показателей социальной динамики и ценностной неоднородности общества использовались только содержательные ответы.

С помощью факторного анализа методом главных компонент для категориальных переменных из множества содержательных ответов⁸ удалось выявить следующие три оси пространства ценностных ориентаций респондентов исследуемых стран.

Ось G (Government) – отражает отношение респондентов к активности государства в социально-экономической сфере: максимальная vs минимальная.

Ось P (Participation) – связана с отношением респондентов к политической активности: желание запретить массовые акции политического протеста vs убежденность, что такие акции должны быть разрешены.

Ось M/PM (Modernity/Post-Modernity) – характеризует выбор между культурой *модернити* и культурой *постмодерна* по Р. Инглхарту: акцент на закон, порядок и защиту границ vs внимание к культуре и экологии.

Таким образом, ценностные ориентации отдельных респондентов и социальных групп оказалось возможным представить в виде векторов трехмерного пространства, натянутого на описанные выше оси: *G*, *P*, *M/PM*.

Для получения значений этих векторов по каждой из осей использовалось по два вопроса, ответы на которые были наиболее коррелированы с соответствующей главной компонентой.

– *Ось G*: “Обязано ли правительство снижать уровень неравенства в доходах?”, “Обязано ли правительство обеспечивать всех работой?”;

– *Ось P*: “Следует ли разрешать проведение массовых митингов протеста против политики правительства?”, “Следует ли разрешать марши и демонстрации протеста против политики правительства?”;

– *Ось M/PM*: “Должно ли государство увеличить расходы на оборону?”, “Должно ли государство увеличить расходы на защиту окружающей среды?”⁹.

Корреляция ответов на каждый из отобранных вопросов с соответствующей компонентой составляет не менее 0,7. Вычисление вектора ценностных ориентаций проводилось по следующей процедуре. Набор содержательных ответов на каждый вопрос представлял собой батарею высказываний, организованных по принципу лайкертовой шкалы – от полного отрицания/несогласия до полной поддержки/согласия (иногда через нейтральное высказывание типа “ничего не следует менять”, “оставить, как есть”). Каждому из ответов присваивался индекс от 0 до 3; индекс нейтральной позиции равнялся 1,5. Усредненная позиция респондентов социальной группы *g* по каждому из вопросов Q^i рассчитывалась по формуле:

$$A_i^g = \frac{\sum_{j=1}^J a_j^i P_j}{N},$$

⁸ Множеством служила совокупность ответов респондентов исследуемых стран в 1996 и 2006 гг.

⁹ Точные формулировки вопросов см. на сайте <http://www.issp.org/>. Номера переменных *V* содержатся в опросниках 1996 и 2006 гг.

	Ось G		Ось P		Ось M/PM	
1996	V 42	V 36	V 5	V 6	V 29	V 25
2006	V 31	V 25	V 5	V 6	V 21	V 17

где a_j^i ($0 \leq a \leq 3$) – индекс j -го ответа в вопросе Q^i ; P_j – доля выбравших ответ a_j^i ; N – число ответов на вопрос Q^i $\left(N = \sum_{j=1}^J P_j\right)$. Деление на N использовалось для нормирования получаемых усредненных позиций по единице.

Значение вектора ценностных ориентаций социальной группы g по той или иной оси представляет собой оценку, рассчитанную по формуле:

$$V^g = \frac{\sum_{i=1}^R A_i^g}{R},$$

где R – количество вопросов, относящихся к данной оси.

Индексы a_j присваивались таким образом, чтобы значение вектора ценностных ориентаций:

– по оси G равнялось “0” при полной поддержке идеи усиления государственного влияния на социально-экономические процессы и “1” при полной поддержке идеи уменьшения роли государства в этой области;

– по оси P равнялось “0” при твердой поддержке идеи запрета массовых акций протеста и “1” – при столь же твердой убежденности в том, что такие акции должны быть разрешены;

– по оси M/PM равнялось “0” при решительном приоритете ценностей “модернити” (поддержание порядка и пр.) и “1” при столь же решительном предпочтении ценностей “постмодерна” (культуры, экологии и т.п.).

На момент времени t вектор ценностных ориентаций для социальной группы (g) имеет вид $W_t^g = (V_G^g, V_P^g, V_{M/PM}^g)_t$, а для общества в целом (S) вид $W_t^S = (V_G^S, V_P^S, V_{M/PM}^S)_t$.

Показатель ценностной неоднородности общества VHS (*value heterogeneity of society*) страны S_i рассчитывался как существующее на момент времени t расстояние между векторами ценностных ориентаций среднего класса (*middle class* – MC) и рабочего классов (*labor class* – L):

$$VHS_t^{S_i} = (W_t^{MC_i} - W_t^{L_i}) = \sqrt{(V_G^{MC_i(t)} - V_G^{L_i(t)})^2 + (V_P^{MC_i(t)} - V_P^{L_i(t)})^2 + (V_{M/PM}^{MC_i(t)} - V_{M/PM}^{L_i(t)})^2}.$$

Показатель социальной динамики общества SD (*Social Dynamics*) за период 1996–2006 гг. в каждой из рассматриваемых стран S_i определялся как расстояние между векторами ценностных ориентаций данной страны в 2006 г. и 1996 гг.:

$$SD_{2006-1996}^{S_i} = (W_{2006}^{S_i} - W_{1996}^{S_i}) =$$

$$\sqrt{(V_G^{S_i(2006)} - V_G^{S_i(1996)})^2 + (V_P^{S_i(2006)} - V_P^{S_i(1996)})^2 + (V_{M/PM}^{S_i(2006)} - V_{M/PM}^{S_i(1996)})^2}.$$

Мы вполне понимаем, что показатель SD не является непосредственной характеристикой изменений парсоновских институционализированных стандартов нормативной культуры. Однако, поскольку изменения этих стандартов и сдвиги в системе ценностных ориентаций – процессы тесно взаимосвязанные¹⁰, данный показатель в первом приближении можно считать индикатором интересующих нас изменений. Го-

¹⁰ Эта взаимосвязь представляет собой один из многих аспектов взаимодействия коллективной культуры и множества личных культур данного общества.

**Показатели ценностной неоднородности общества и социальной динамики
в исследуемых странах**

Страны	Ценностная неоднородность общества			Социальная динамика в 1996–2006 гг.
	1996 г.	2006 г.	2006/1996 гг.	
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Австралия	0,2023	0,0875	0,433	0,1145
Германия	0,10419	0,09795	1,0636	0,2262
Израиль	0,05977	Нет данных	Нет данных	0,04835
Ирландия	0,1010	0,0991	0,981	0,1134
Канада	0,0630	0,0411	0,652	0,1423
Новая Зеландия	0,0727	0,7277	10,010	0,1833
Норвегия	0,0738	0,0954	1,293	0,1864
США	0,1159	0,2531	2,184	0,1868
Франция	0,05053	Нет данных	Нет данных	0,02255
Венгрия	0,0822	0,0573	0,697	0,1608
Латвия	0,0459	0,0482	1,050	0,1517
Польша	0,0756	0,0279	0,369	0,2566
Россия	0,0789	0,0311	0,394	0,2203
Словения	0,0994	0,1999	2,011	0,1401
Чехия	0,0916	0,0950	1,037	0,1666

* Напомним, что ценностная неоднородность рассчитывалась нами как разрыв между характеристиками среднего и рабочего классов в 1996 г., а социальная динамика – как разрыв между характеристиками страновой выборки в 1996 и 2006 гг. Для 2006 г. по Израилю и Франции имеются данные только страновых выборах; характеристики среднего и рабочего класса отсутствуют. Это не позволяет посчитать по ним показатели социальной неоднородности в 2006 г., однако возможность оценить социальную динамику 1996–2006 гг. сохраняется.

воря точнее, разница между нашим показателем *SD* и социальной динамикой в смысле Парсонса – это разница между потенциалом изменений и их реализацией. Разница, конечно же, существенная. Но лучшего показателя мы пока не нашли. Изменения в показателях ценностной неоднородности и социальной динамики по каждой из рассматриваемых стран в 1996 и 2006 гг. приведены в таблице 3.

Результаты эмпирической проверки гипотез

Проведенные расчеты позволяют оценить, соответствуют ли действительности гипотезы, упоминавшиеся в начале данной статьи. Прокомментируем каждую из них.

Гипотеза 1. Интенсивность социальной динамики находится в положительной зависимости от величины ценностной неоднородности общества: чем выше неоднородность, тем более выражен тренд социальных изменений – выше их скорость и глубина.

Гипотеза 2. Такая (положительная) зависимость характерна как для обществ со зрелой индустриальной/постиндустриальной культурой, так и для обществ, находящихся в процессе социально-экономических и политических трансформаций (переходные общества).

Комментарий. Эмпирические данные свидетельствуют, что для совокупности 15 стран (без их деления на зрелые индустриальные/постиндустриальные и находящиеся в процессе трансформаций) какие бы то ни было связи между показателями ценностной неоднородности в 1996 г. и социальной динамики в 1996–2006 гг. отсут-

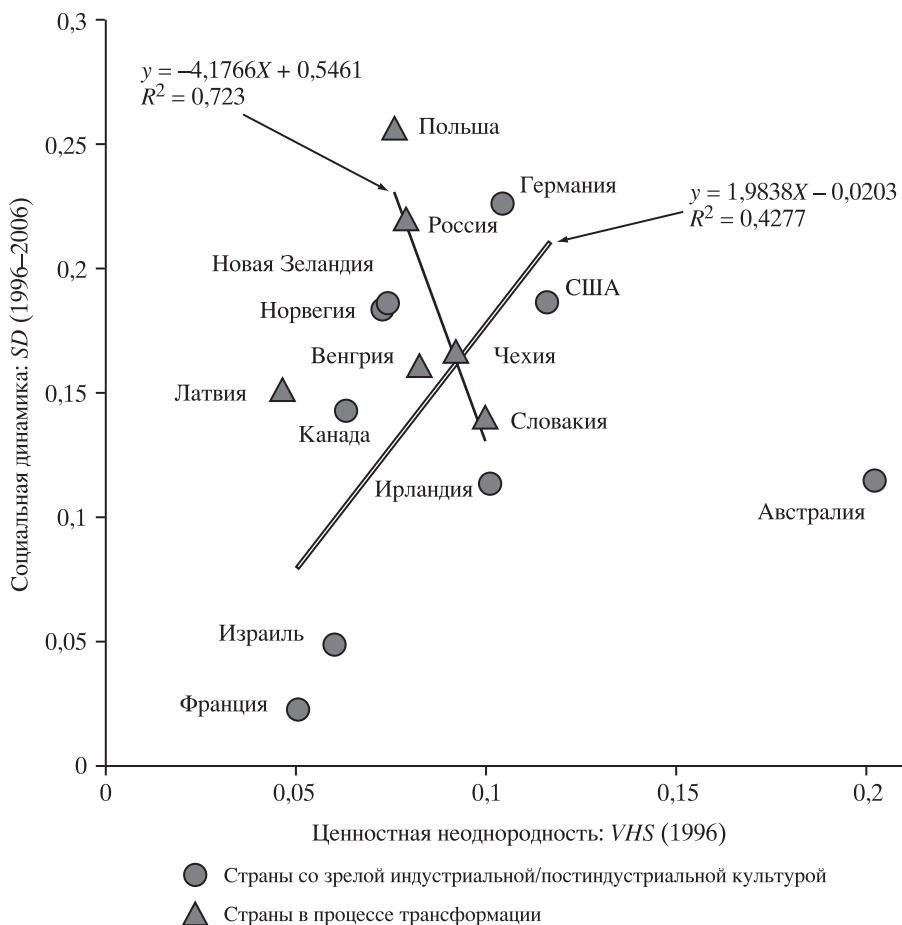


Рис. 1. Показатели социальной динамики и ценностной неоднородности общества в исследованных странах (линейных тренды: $SD_{2006-1996} = kVHS_{1996} + C$).

Примечания:

- уравнения линейных трендов рассчитаны без учета показателей Австралии и Латвии;
- понимая всю условность применения к нашей “нановыборке” статистических методов, отметим все же, что коэффициент детерминации (R^2) для линейной регрессии, связывающей исследуемые показатели, является значимым.

ствуют. Простое разделение стран на две группы также не выявляет интересующих нас зависимостей.

Если же исключить из рассмотрения два крайних, выпадающих из визуально просматриваемых тенденций, случая (Австралию из зрелых индустриальных/постиндустриальных стран и Латвию из стран, переживающих трансформации), то зависимость между показателями ценностной неоднородности и социальной динамики становится заметной (см. рис. 1). При этом для группы зрелых индустриальных/постиндустриальных стран исследуемая зависимость положительна. Иными словами, для этих стран гипотезы представляются подтвержденными. Что касается стран, переживающих трансформации, то для них данная зависимость оказалась отрицательной.

Опровергает ли наблюдаемая ситуация гипотезу о существовании позитивной связи между рассматриваемыми показателями для обеих групп стран? Утверждение, что такая связь отсутствует, тождественно предположению, что производные функ-

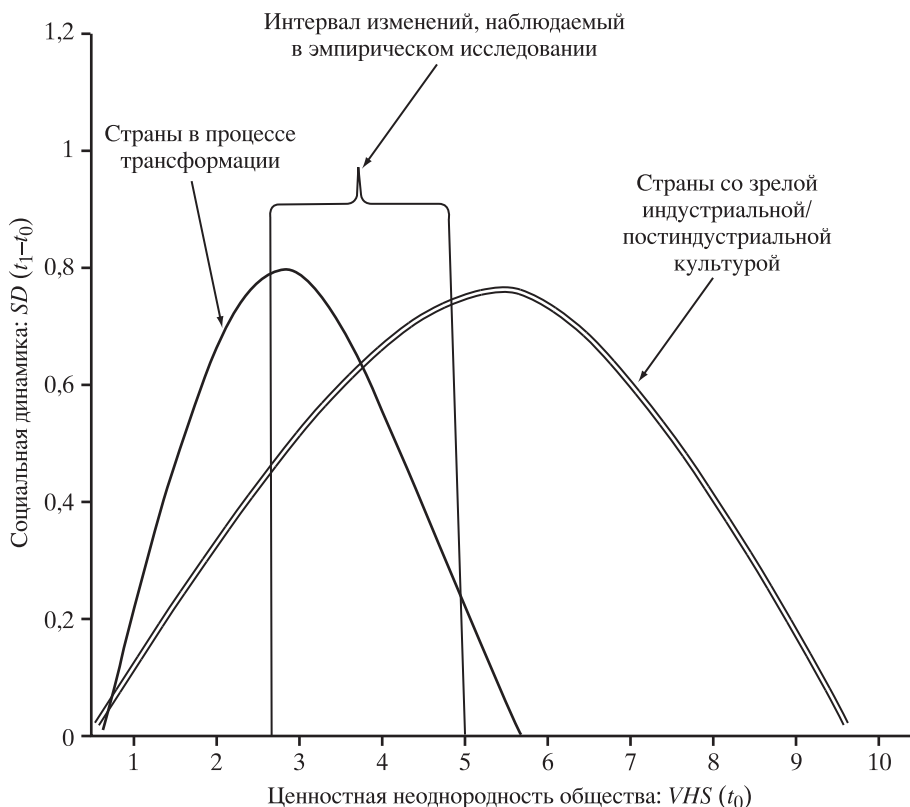


Рис. 2. Зависимость социальной динамики от ценностной неоднородности в зрелых индустриальных/постиндустриальных и переходных обществах (гипотетическая схема).

ций $SD_{(t_1-t_0)} = f(VHS_{t_0})$ для зрелых индустриальных/постиндустриальных обществ и переходных обществ будут иметь разные знаки не только на наблюдаемом интервале ценностной неоднородности ($0,05 \leq VHS \leq 0,15$), но на всей области определения этих функций. Нам это предположение представляется нереалистичным с психологической точки зрения. Скорее, полученные результаты требуют не столько отказа от гипотезы, сколько уточнения характера рассматриваемых функций – уточнения, позволяющего объяснить специфику их поведения на наблюдаемом интервале ценностной неоднородности. Наиболее привлекательным из возможных объяснений нам кажется предположение о вогнутости ($\cap$ – образности) данных функций и некоторой смещенности их максимумов относительно друг друга по оси абсцисс (см. рис 2)¹¹.

Если это предположение справедливо, то ситуация, отображенная на рисунке 1, может быть объяснена тем, что для зрелых индустриальных/постиндустриальных обществ на рассматриваемом интервале функция $SD_{(t_1-t_0)} = f(VHS_{t_0})$ находится в зоне роста, а для переходных обществ – в зоне понижения.

Вогнутость функции $SD_{(t_1-t_0)} = f(VHS_{t_0})$ означает следующее. На некотором интервале ценностной неоднородности возрастание разрыва между группой-образцом и группой-эпигоном ведет к росту влияния группы-образца, а затем (при выходе разрыва за пределы данного интервала) – к снижению этого влияния и, в конце концов, к разрушению референтного диполя. До получения эмпирических данных вогнутость данной

¹¹ Этот вариант объяснения представляется нам наиболее простым, эстетичным и экономичным (по Н. Копернику, Г. Галилею и Э. Маху, соответственно). Любые другие варианты требуют конструирования для рассматриваемых страновых групп разных типов функций связи между социальной динамикой и ценностной неоднородностью, то есть они не только менее реалистичны, но и значительно более громоздки.

функции допускалась нами лишь для стран со зрелой индустриальной/постиндустриальной культурой¹². Утверждать ее вогнутость для стран, находящихся в процессе трансформаций, мы не решались, так как думали, что этому будет препятствовать распространённое в них химерическое целеполагание [Урнов, 2010, с. 64, 68].

Между тем результаты нынешнего исследования подталкивают нас к изменению взгляда. Наша ошибка состояла в недоучёте того, что культурные факторы могут блокировать участие химерического целеполагания в формировании референтных диполей *внутри* данного общества, не уничтожая этот тип целеполагания, но выталкивая его на поиск групп-образцов *вовне*, в “прекрасное далеко” – географическое, цивилизационное или временное. Предположение о вогнутости функции $SD_{(t_1-t_0)} = f(VHS_{t_0})$ соответствует характеру эмпирических полиномиальных трендов зависимости между социальной динамикой ценностной неоднородностью (см. рис. 3). Впрочем, видеть в этой схожести надежное эмпирическое подтверждение нашему предположению было бы, мягко говоря, неосторожно. Количество исследованных стран слишком мало для того, чтобы обеспечить какую бы то ни было статистическую достоверность. Так что до существенного расширения статистической базы наше объяснение может претендовать только на роль новой, несколько более удовлетворительно работающей гипотезы¹³.

Заметим, наконец, что расширение статистической базы – не только в страновом, но и в содержательном аспекте – необходимо для ответа на еще один важный вопрос: в какой мере наша гипотеза о вогнутости и смещенности максимумов рассматриваемых функций относительно друг друга применима не только к политическим, но и к другим ценностным ориентациям.

Гипотеза 3. Неустойчивость (резкие колебания) ценностной неоднородности общества являются препятствием формирования тренда социальных изменений.

Комментарий. Данная гипотеза представляется нам не столько отброшенной, сколько слишком узкосформулированной. В теоретической модели мы рассматривали неустойчивость исключительно как блокиратор влияния ценностной неоднородности на социальную динамику. Формально говоря, предполагалось, что, если во временном интервале (t_0, t_1) неустойчивость ценностной неоднородности достаточно велика, она может свести на нет воздействие ценностной неоднородности, существовавшей на момент (t_0) , даже если уровень тогда был высоким. То, что неустойчивость ценностной неоднородности может обладать трендовой составляющей и что эта составляющая может быть самостоятельным фактором формирования тренда социальных изменений, нами в расчет не принималось.

Между тем, как показывает рисунок 4, в рассматриваемое десятилетие трендоформирующее воздействие неустойчивости ценностной неоднородности на социальную динамику было довольно сильным. По крайней мере, связь между социальной динамикой в 1996–2006 гг. и показателями изменений ценностной неоднородности за тот же период $\left(\frac{VHS_{2006}}{VHS_{1996}} \right)$ просматривается довольно четко. При этом характер зависимости в странах со зрелой индустриальной/постиндустриальной культурой и странах, находящихся в процессе трансформаций, остается таким же, как для рассмотренной ранее зависимости социальной динамики от уровня ценностной неоднородности в 1996 г.

¹² При теоретической разработке данной модели это допущение эксплицировано не было. Однако оно использовалось при описании влияния, которое в зрелых обществах оказывает реалистическое целеполагание на величины внутридипольных разрывов (см. [Урнов, 2010, с. 64, 68]).

¹³ Один из наших коллег, прочитав это место в рукописи, упрекнул нас в том, что, заменяя одну несостоятельную гипотезу другой – непроверенной, мы стремимся выйти из-под попперовского требования фальсифицируемости гипотез и тем самым нарушаем базовые принципы научного исследования. Не можем с этим согласиться. Речь идет не о бегстве от разоблачения путем выстраивания непроверяемой конструкции, а о модификации первоначальной гипотезы с помощью формулировок, позволяющих подвергнуть новую гипотезу эмпирической проверке, то есть о естественном процессе накопления научного знания. То же самое можно сказать и в отношении комментария к гипотезе 3.

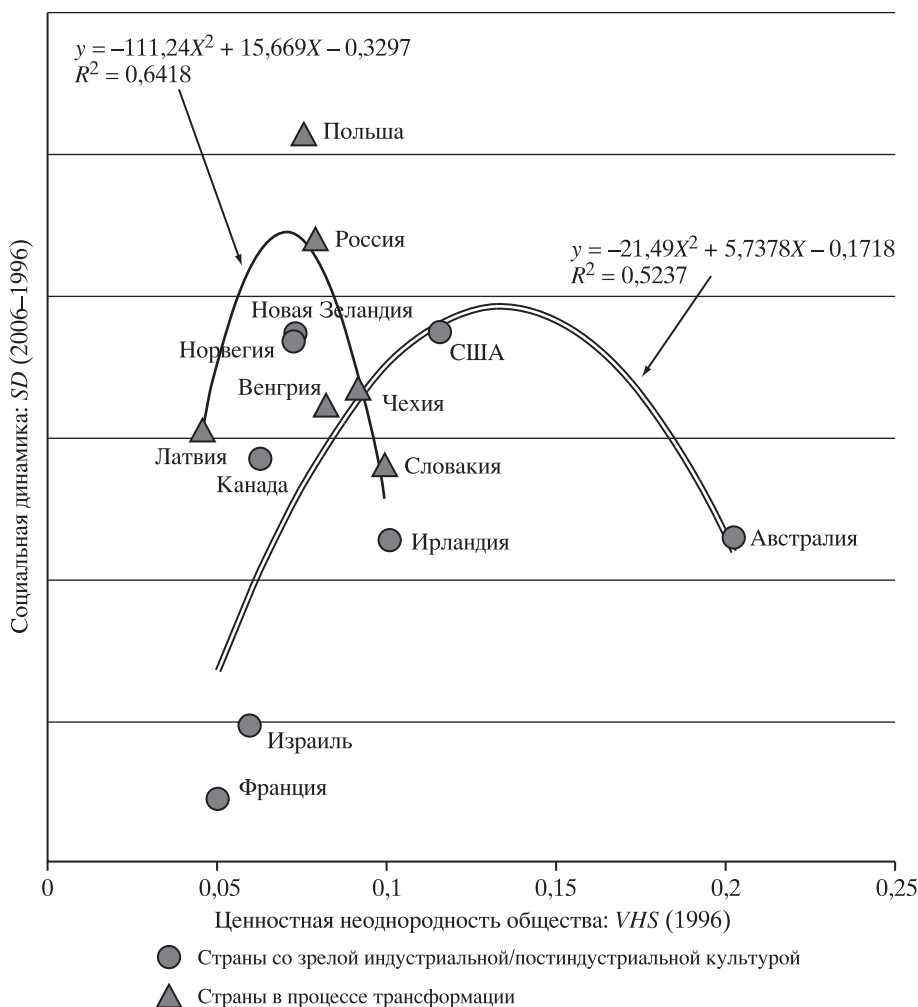


Рис. 3. Показатели социальной динамики и ценностной неоднородности общества в исследуемых странах (полиномиальная зависимость: $SD_{(2006-1996)} + a(VHS_{1996})^2 + b(VHS_{1996}) + C$).

Гипотеза 4. При прочих равных условиях уровень неустойчивости ценностной неоднородности в переходных обществах будет выше, чем в зрелых индустриальных/постиндустриальных обществах.

Комментарий. Эта гипотеза не подтвердилась. То, что неустойчивость ценностной неоднородности в обеих рассматриваемых группах стран оказалась практически одинакова, хорошо видно из таблицы 3 (стлб. 4). И там, и там за десятилетие 1996–2006 гг. индексы ценностной неоднородности общества изменялись в границах интервала (0,4; 2,0)¹⁴. Утверждать, что “прочие условия” в этих странах в период наблюдения сильно отличались, нет оснований.

Гипотеза 5. Переходные и зрелые индустриальные/постиндустриальные общества отличаются величинами ценностных разрывов, выход за пределы которых разрушает

¹⁴ Выбывающий из общей картины показатель Новой Зеландии выглядит аномально, особенно на фоне показателя близлежащей и тесно связанной с ней Австралии. Не исключено, что эта ситуация обусловлена не реалиями исследуемого процесса, а спецификой статистических данных. Иного рационального объяснения мы, по крайней мере, в настоящий момент, дать не можем.

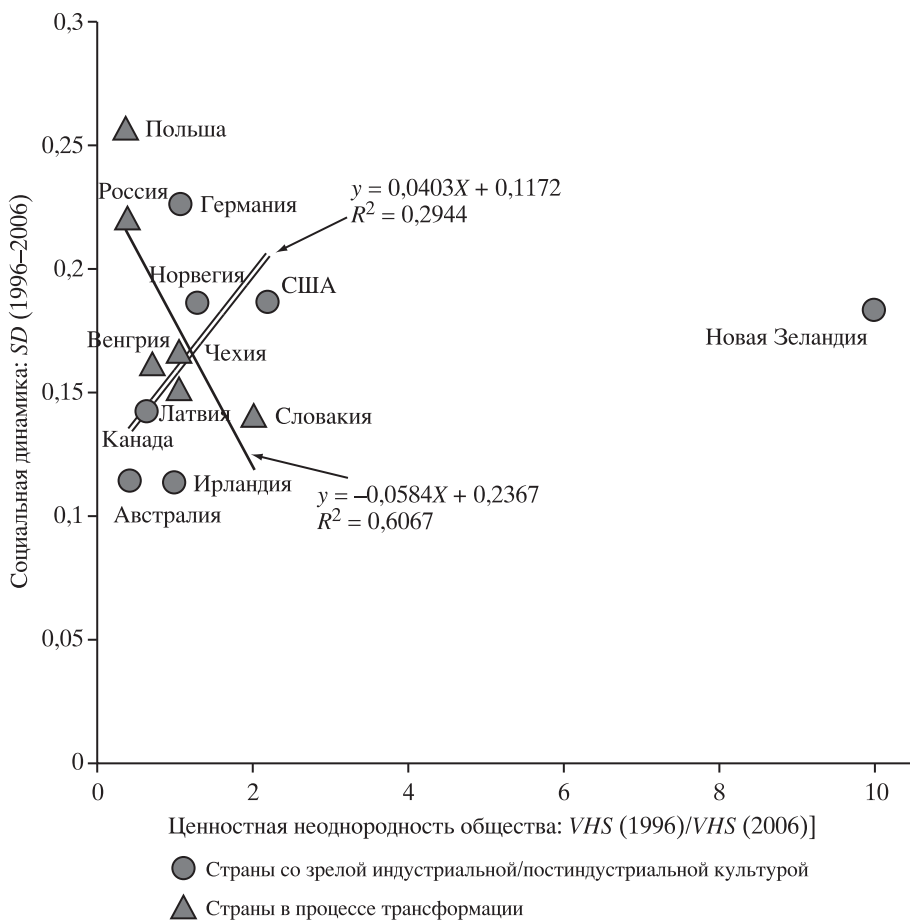


Рис. 4. Связь между социальной динамикой с ценностной неоднородностью общества

$$(\text{линейная зависимость: } SD_{2006-1996} = k \frac{VHS_{2006}}{VHS_{1996}} + C).$$

Примечание: уравнение линейного тренда для стран со зрелой индустриальной/постиндустриальной культурой рассчитано без учета Новой Зеландии.

референтные отношения. При прочих равных условиях в первой группе эти величины предположительно будут большими, чем во второй.

Комментарий. Если комментарии к гипотезам 1 и 2 верны, то это означает, что, вопреки нашим первоначальным предположениям, в исследованных переходных обществах максимальный интервал ценностной неоднородности, внутри которого еще сохраняются референтные отношения, оказывается заметно уже, чем в зрелых индустриальных/постиндустриальных обществах. Не исключено, что это связано с общей для включенных в исследование переходных обществ “родовой травмой”. Несмотря на огромное количество различий, все они являются обществами посткоммунистическими и, по-видимому, не до конца изжившими склонность к более жесткому отторжению различий между своими социальными группами, чем это присуще обществам, не прошедшим обработки коммунистической идеологией. Так что нормальный по меркам зрелых индустриальных/постиндустриальных обществ ценностный разрыв между средним и рабочим классами оборачивается здесь ослаблением референтных позиций среднего класса.

Рискнем предположить, что такая ситуация не специфична для отношений внутри диполя “средний класс–рабочий класс”, но характеризует большую часть существующих в этих обществах референтных отношений. Чтобы быть референтной, “своя” группа-образец в них не должна “чересчур” отличаться от группы-эпигона¹⁵. Такая установка – серьезная помеха для формирования в посткоммунистических странах качественных элит. “Слишком удаляясь от народа”, элита переходного общества рискует ослабить свое влияние на общественное развитие или вообще утратить статус референтной группы. В результате посткоммунистические переходные общества оказываются обладателями заметно меньшего потенциала внутренних изменений, чем зрелые индустриальные/постиндустриальные общества.

То, что средний класс, как и другие группы-образцы переходных обществ, попадает в зону утраты своего влияния, оказывается одним из высоковероятных эффектов социальных трансформаций. Переход отличается от стабильности не тем, что в первом случае имеют место изменения, тогда как во втором их нет, а тем, что изменения, наблюдаемые в переходных обществах, затрагивают ключевые характеристики этих обществ и происходят в масштабах и темпах, часто вызывающих болезненную реакцию значительной доли населения. Чтобы изменения начались, их старт должен быть обеспечен группами-образцами (референтными группами). А чтобы такие изменения, став болезненными, тем не менее продолжались, нужно, чтобы эти группы-образцы существенно оторвались в своем мировосприятии от групп-эпигонов и воспринимали происходящие изменения в новой парадигме или, как минимум, не столь драматично. Подобный отрыв – скорее правило, чем исключение. Его цена (особенно в обществах, не склонных к ценностному многообразию) – ослабление влияния групп-образцов, обрушение на них волны ressentimentа и, в зависимости от силы этой волны, замедление, прекращение или смена вектора трансформаций.

Впрочем, это не означает, что в переходных обществах отсутствует потенциал изменений. Как уже говорилось выше, слабость внутренних стимулов может быть в какой-то мере компенсирована стимулами “внешними”. Последние возникают путем замены отвергнутых “домашних” образцов иностранными или мифологическими референтными группами: что недопустимо у “своих”, вполне может быть приемлемо у “чужих”. Более того, из-за свойственного переходным обществам химерического целеполагания¹⁶, образцами порой оказываются “чужие” группы, ценностные ориентации которых не просто далеки, но глубоко чужды местным группам-эпигонам. Возможные последствия такой замены для социальной динамики – тема, достойная самостоятельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Готово ли российское общество к модернизации? М., 2010.

Григорьев Л., Салмина А., Кузина О. Российский средний класс: анализ структуры и финансового поведения. М., 2009.

Григорьев Л.М., Макаренко Б.И., Салмина А.А., Шаститко А.Е. Средний класс после кризиса. Экспресс-анализ взглядов на политику и экономику. М., 2010.

Дискуссия о среднем классе. Материалы конференции “Средний класс: проблемы формирования и перспективы роста”. Москва, 24 апреля 2008.

Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб., 2000.

Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Вып. 2. Социальные аспекты модернизации. М., 2009.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.

¹⁵ Специально подчеркнем: мы говорим здесь не об имущественном неравенстве, а о различиях в ценностных ориентациях, прежде всего в сфере политики. Некоторое представление о том, в какой мере разные общества отличаются друг от друга по широте допускаемых (точнее, культурно не осуждаемых) расхождений в ценностных ориентациях, можно получить, сопоставляя страновые показатели толерантности.

¹⁶ О химерическом целеполагании как об одной из характеристик целеполагания неудачника см. сноску 1 данной статьи.

Средний класс в современной России. М., 2008.

Урнов М.Ю. Динамика массовой агрессивности в сообществах с различным уровнем развития достижительного поведения. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2008^а. № 4.

Урнов М.Ю. Динамика массовой агрессивности в сообществах с различным уровнем развития достижительного поведения. Статья 2 // Общественные науки и современность. 2008^б. № 5.

Урнов М.Ю. Неинституциональные факторы социальной динамики – подходы к моделированию // Общественные науки и современность. 2010. № 5.

Шаститко А.Е., Авдашева С.В., Овчинников М.А., Малева Т.М., Овчарова Л.Н. Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. М., 2008.

Шкаратан О.И. Государственная социальная политика и стратегии поведения средних слоев // Препринт WP7/2005/01. Серия WP7. Теория и практика общественного выбора.

Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009.

Atkinson J.W. Motivational Determinants of Risk-taking Behavior // Psychological Review. 1957. Vol. 64. № 6. Pt.1.

Cannon L.W. On the Absolute or Relative Basis of Perception: the Case for Middle Class Identification // Source: Social Indicators Research. 1980. Vol. 8. № 3.

DeGré G. Ideology and Class Consciousness in the Middle Class // Social Forces. 1950. Vol. 29. № 2.

Eysenck H.J. Primary Social Attitudes as Related to Social Class and Political Party // The British Journal of Sociology. 1951. Vol. 2. № 3.

Eysenck H.J. The Psychology of Politics. London, 1968.

Eysenck H.J. Social Attitudes and Social Class // The British Journal of Social and Clinical Psychology. 1971. Vol. 10.

Faris R.E.L. The Middle Class from a Sociological Viewpoint // Social Forces. 1960–1961. Vol. 39. № 1.

Gerteis J. Political Alignment and the American Middle Class, 1974–1994 // Source: Sociological Forum. 1998. Vol. 13. № 4.

Gerteis J., Savage M. The Salience of Class in Britain and America: a Comparative Analysis // The British Journal of Sociology. 1998. Vol. 49. № 2.

Giddens A. The Class Structure of the Advanced Societies. London, 1973.

Goldthorpe J.H. Social Mobility and Class structure in Modern Britain. New York–Oxford (Oxfordshire), 1987.

Guttsman W.L. Aristocracy and the Middle Class in the British Political Elite 1886–1916: a Study of Formative Influences and of the Attitude to Politics // The British Journal of Sociology. 1954. Vol. 5. № 1.

Herman Th. Pragmatism: a Study in Middle Class Ideology // Social Forces. 1944. Vol. 22. No. 4.

Kasen J.H. Exploring Collective Symbols: America as a Middle Class Society // The Pacific Sociological Review. 1979. Vol. 22. № 3.

Lipset S.M. Some Social Prerequisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. 1959. Vol. 53. № 1.

Lenski G.E. Status Crystallization: a Non-vertical Dimension of Social Status // American Sociological Review. 1954. Vol. 19. Issue 4.

Lipset S.M. Political Man. The Social Bases of Politics. Baltimor (Md), 1981.

Londregan B., Poole K.T. Does High Income Promote Democracy? // World Politics. 1996. Vol. 49. № 1.

Mills C.W. White Collar: the American Middle Classes. New York–Oxford, 1956.

O'Boyle L. The Middle Class in Western Europe, 1815–1848 // The American Historical Review. 1966. Vol. 71. № 3.

Perlmutter A. The Myth of the Myth of the New Middle Class: Some Lessons in Social and Political Theory // Comparative Studies in Society and History. 1970. Vol. 12. № 1.

Prinz M. German Social Democracy and the New Middle Class: Practice as an Obstacle to Theory // International Journal of Politics, Culture, and Society. 1990. Vol. 4. № 2.

Ross F.A. The Passing of the German Middle Class // The American Journal of Sociology. 1924. Vol. 29. № 5.

Stearns P.N. The Middle Class: Toward a Precise Definition // Comparative Studies in Society and History. 1979. Vol. 21. № 3.

Wolfe A. Middle-Class Moralities // The Wilson Quarterly. 1993. Vol. 17. № 3.